

ДОМАШНИЙ ТРУД И ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В СЕМЬЕ

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна - научный сотрудник сектора экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научно-го центра Уральского отделения РАН.

Негативные экономические последствия смены хозяйственных практик в России не привели, против ожиданий, к распаду традиционных представлений о мужских и женских ролях, а, напротив, подчеркнули их прочность в российском обществе, выявили негативы трансформирующегося гендерного порядка в условиях кризиса [1].

В настоящее время представления о гендерных стереотипах и половой идентичности грешат явными заимствованиями западных концептов, зачастую идеологизацией и "истеризацией" феминизма. Несмотря на активное изучение гендерной проблематики, развитие гендерной социологии в России и даже русского феминизма [2, с. 22], мало внимания уделяется вопросам распределения власти в семье и его влияния на гендерное разделение труда, в то время как дискуссии о брачных отношениях и экономической власти могли бы привести к созданию многообещающей гендерной теории [3, с. 21]. В данной работе мы попытаемся преодолеть феминистский дуализм, представляющий женщину как "жертву обстоятельств" или, напротив, как "рукодельницу своей судьбы" [4, с. 143], и обратимся к вопросам гендерного разделения пространства и установления властных отношений в семье.

Несмотря на социальную необходимость домашнего труда, выполняемого, как правило, женщинами, он, будучи непрестижным, низкоквалифицированным, не оплачиваемым, ограниченными пределами дома, по-прежнему воспринимается как второстепенный и рассматривается в качестве показателя угнетения женщин. Эта точка зрения утвердилась и на российской почве. Однако мы попробуем доказать, что при определенных условиях домашний труд, включенный в модель двойного кормильца, наделяет занятого в нем человека (и ограничивает незанятого) некоторыми правами и властными полномочиями, а также является дополнительным ресурсом в условиях трансформации. В данной статье мы рассмотрим домашний труд в качестве ресурса и источника формирования властного дисбаланса в семьях, продемонстрируем недостатки советского гендерного порядка [5] в частной сфере для обоих полов.

Эмпирической базой анализа послужили глубинные интервью, проведенные в ходе лонгитюдного исследования 1994-2002 гг. в семьях 70 рабочих двух депрессивных промышленных предприятий (мебельной и швейной фабрик) Сыктывкара, а также глубинные интервью с 60 респондентами, которые обратились в органы социальной защиты и получили статус нуждающихся (лонгитюдное исследование 1999—2001 гг.). Иначе говоря, в фокусе нашего внимания оказались семьи с ограниченными материальными и социальными ресурсами.

Первоначальной (стартовой) точкой отсчета создания и становления семьи является регистрация брака. Семьи наших респондентов в своем большинстве сформировались в советское время, что обусловило наследие сложившихся в то время гендерных практик. При создании семьи супруги, несмотря на сохранившееся традиционное распределение семейных обязанностей на мужские и женские, были склонны к компромиссу, взаимной поддержке, принятию на себя обязанностей супруга противоположного пола. Это определяется как культурным предписанием добрачной активности мужчины, так и романтическим характером отношений молодоженов. Именно поэтому период ухаживаний и первые годы брака характеризовались готовностью мужа помогать жене в хозяйстве. В то же время женщины в выборе супруга и при создании семьи, как правило, не проявляли экономической заинтересованности. Представители обоих полов прежде всего были ориентированы на поиск спутников жизни, и в основе их формирующихся взаимоотношений лежала эмоциональная привязанность, а не хозяйственные способности женщин: *"Она вообще ничего не умеет"; "Для меня, когда женщина рядом - хорошо. Когда нету - мне плохо. Даже если кричит. Пусть кричит - я буду слушать. Лишь бы*

была рядом. Хоть она плачет, хоть кричит. Я и командовать не буду"; "Я, честно говоря, даже готовить не умела. Меня этому муж учил. Стоял рядом и говорил, что за чем класть в кастрюлю". Один из респондентов, превзойдя все ожидания при заключении брака и усыновлении ребенка, вышел в отпуск по уходу за ребенком и взял на себя все обязанности по дому. Его жена вспоминала: "Я вообще не знала, что такое стирка. Раньше я не знала, что такое постирать пеленку". Женщины, в свою очередь, отмечали внимание и заботу со стороны мужчин по отношению к себе, а для многих из них хозяйственность мужчины оказывалась наиболее значимым основанием, необходимым "звеном" для совместного проживания: "Хозяйственность. Хозяйственность. Хозяйственный был. В лес ходил, грибы носил, мясо носил, мясо у нас всегда было! Лосятина была".

Чем же обусловлено последующее снижение мужской активности внутри домашнего хозяйства? Куда пропадает их хозяйственность, забота и внимание, отмеченные женщинами на первых этапах знакомства и совместного проживания?

Согласно концепции Рэндал Коллинз, отношения в семье - это отношения собственности трех видов: сексуальной, то есть *собственности на человеческое тело*, поколенческой, то есть *собственности на детей*, и *собственности на имущество семьи* [9, с. 117]. На первоначальной стадии создания семьи присутствует единственный вид собственности - сексуальной, основанной на желании обладать друг другом и поддерживаемой чувством любви и духовной близостью. В отсутствие материальной базы семейных отношений на этом этапе развития семьи любовь чаще всего является единственным ресурсом и рычагом управления во взаимоотношениях супругов. В этот период имеются возможности перераспределения обязанностей, однако в связи с планированием и рождением первого ребенка ситуация существенно меняется. Если до вступления в брак женщина обладает большими возможностями регулирования интимных отношений и планирования рождения детей, то в браке промедление с появлением первенца может негативно отразиться на отношениях между супругами: "После свадьбы он мне и говорит: мы с тобой долго жить не будем. Я говорю: почему ты так решил? Ты вот рожать не хочешь, а я хочу детей. Ты не хочешь, и жизнь у нас, мол, не получится, не склеится".

Рождение ребенка для мужчины является не столько проявлением отцовских чувств, сколько завершающим актом присвоения женщины. В период беременности жены и с рождением ребенка мужчина приобретает уверенность в нерушимости семейных уз, сознавая зависимость женщины. Иначе говоря, под спекулятивным стереотипом "Раз поженились - надо рожать" кроется весьма прагматическая подоплека: "Теперь она уже никуда не денется". Активность в ухаживаниях переходит к женщине и теперь уже становится ее обязанностью на протяжении всей семейной жизни, что вполне соответствует традиционным представлениям о роли женщины в семье. Отсутствие практики договора по поводу распределения обязанностей, материальные и жилищные проблемы приводят к усилению культурных стереотипов, согласно которым мужчина должен быть кормильцем семьи, а женщина ответственна за ведение домашнего хозяйства. Эти стереотипы поддерживаются гендерной сегрегацией труда, при которой мужчины работают в более оплачиваемых и престижных отраслях экономики, нежели женщины. Каждый из перечисленных факторов способствует формированию семьи как хозяйственной единицы, где супруги выполняют свои традиционные обязанности, прикрепленные к биологическому полу, воспроизводя тем самым гендерные традиции.

Поскольку домашняя сфера становится уделом женщины и ограничена территорией, на которой проживает семья, то именно женщина занимается ее обустройством. Она осваивает *свое пространство*, делает его удобным для себя. Мужчина же должен "вписаться в интерьер" и чаще всего используется как физическая рабочая сила и источник дохода для покупки мебели, предметов длительного пользования, аксессуаров для жилья. По этой причине не существует диалога между супругами по поводу обустройства их совместной территории: "Когда почувствовала себя полноправной хозяйкой, я уже определяла куда, что поставить. Сразу - это сюда, это сюда, это будет тут стоять, это надо..."; «Кроме пустых стен в квартире, что осталась от родителей, больше ничего не было. За год-полтора мы купили практически все: мебельную стенку, видеомэгафон, холодильник, стиральную машину "Веста", холодильник "Атлант", ковры, чернубурку, маленький телевизор... Все, что хотела она».

Ввиду ограниченности денежных средств в молодой семье возникает необходимость концентрации всех поступлений в одних руках для более рационального их использования. Вопреки традиционной патриархатной культуре, согласно которой финансовая политика семьи связана с мужчиной, в России сложилась совершенно иная практика. Женщина не только тратит выделенные средства на личные и семейные нужды, но планирует бюджет, определяет семейную финансовую стратегию. В то время как мужчины являются добытчиками денег. В резуль-

тате исследований замечена явная гендерная окраска: доходы мужчины становятся доходами семьи, а со стороны женщины устанавливается неусыпный контроль над рациональным использованием средств. Только 13% мужчин-кормильцев самостоятельно распоряжаются заработанными деньгами [10, с. 85]. Если женщина распоряжается всеми поступающими в семейный бюджет денежными доходами, то мужчине разрешается иметь только карманные расходы - "зачачки": *"У него никогда денег нет. Все деньги до копейки у меня. У него даже на Беломор нет денег, потому что папиросы покупаю я. Он пришел, все деньги мне выложил, все. Коснись чего -и у него даже рубля нет в кармане"; "Где-то отца спрашиваем, можно купить или нет, а где-то - без его согласия, потому что я знаю, что надо купить... Что там советовать - купила, принесла, показала. Конечно, обувь я без его примерки не могу купить. А что в дом, я сама все. Все сама решаю, все сама и покупаю"*. К своему же заработку женщины относятся куда более щепетильно: *"Я получила, я не у кого не спрошу. Куда хочу, туда и потрачу"*. Имущество семьи, приобретенное на деньги женщины в период совместного проживания, чаще становится собственностью ее или детей, нежели вещи, приобретенные мужчиной, - его собственностью. Иначе говоря, распоряжается и контролирует средства не тот, кто зарабатывает, а тот, кто имеет доступ к непосредственному их использованию, обеспечивая себе более выгодные условия по сравнению с зарабатывающим.

С момента распределения домашних обязанностей, освоения территории и накопления опыта женщина не только заботится о домашних, но использует домашний ресурс в своих интересах и становится единственным компетентным лицом в ведении домашнего хозяйства. Женская активность ведет к исключению мужского участия в домашних делах, усиливает ее позиции в семье и дает право определять порядки, семейные нормы, поведение членов семьи и в целом образ жизни. Даже статус (лицо) мужчины репрезентируется женщиной в зависимости от ее представлений о том, как должен выглядеть муж. Мужчины, не имеющие домашнего ресурса, предпочитают не вмешиваться и довериться полностью инициативе жены, заняв "оборонительную" позицию, а для поддержания мужественности выступать в роли кормильца. Закрепление данного порядка демонстрирует ситуация с рождением второго ребенка. В этом вопросе участие отца сводится лишь к оплодотворению, тогда как роль женщины, напротив, максимальна, и в последующем только она будет регулировать репродуктивный вопрос.

Так, одна из респонденток, испытывая страх, что с ее единственным ребенком может что-то случиться, и жизнь для нее потеряет смысл, несмотря на запреты врачей, решила родить второго. Ее муж, настаивавший на рождении первого ребенка, в данной ситуации занял пассивную позицию. Он проигнорировал приглашения врачей, желающих с ним обсудить здоровье жены и отказаться от беременности. Причем не столько из-за желания иметь второго ребенка, помочь жене, стать участником ее беременности и родов, сколько из-за убеждения, что если уж его жене "приспичило" что-то, то она все равно это сделает. Другая респондентка, будучи второй раз беременной, сделала аборт и операцию по предотвращению беременности в дальнейшем, хотя ее муж был не прочь иметь еще одного ребенка. Даже в семьях, где сохранились теплые отношения между супругами, жена принимает единоличное решение о реализации своих репродуктивных функций.

Несмотря на практически единодушное мнение респондентов о том, что воспитывать детей должны оба родителя, отражающее нормы традиционного уклада, в повседневной практике воспитанием детей чаще занимаются женщины. При этом отклонение от идеальных представлений двойного воспитания на сторону женского респонденты пытаются объяснить биологическими отличиями женщины от мужчины: близостью матери и ребенка, наделенностью женщины материнскими чертами (доброта, мягкость, чувствительность). Роль отца в ответах респондентов сводится к символическому присутствию "мужского духа" и все той же "инструментальной" роли: *"Времени на детей, конечно, уходит больше у матери. Но для семьи, для детей, всегда отец нужен. Нужен отец. Он все равно дает что-то, то, что не может дать мать. А заботится о детях конечно больше мать"; "За воспитание детей должна отвечать женщина. Потому что она мать. Так оно принято. Так все живут, так и надо жить. Мать и мягче, и больше знает, чувствует. Они (мужчины) мало занимаются детьми"; "Мужчины есть мужчины. Это очень редко, когда мужчина лучше матери с детьми общается"*.

Разделение обязанностей по воспитанию детей в семье происходит согласно традиционно-му разделению труда по половому признаку и является его продолжением. Неудивительно, что случаев активного отцовского участия в воспитании детей немного. Инструментальная роль мужчины в выполнении своих отцовских обязанностей приводит к еще большей оторванности от семейной жизни, формирует чувство отчужденности между отцами и детьми. Их отношения

зависят от психологического климата в семье, созданного матерью, и от того, в какой степени женщина приучила мужа ухаживать и заботиться о ребенке. Поэтому отцы любят своих детей "через" мать, а отношения отца и ребенка являются скорее отражением семейных отношений, а не проявлением отцовских чувств.

Возвращаясь к понятиям собственности в семье, мы наблюдаем новый вид собственности между супругами. Помимо сексуальной и поколенческой (на что указывала Р. Коллинз), существует также собственность на результаты труда другого: женщины присваивают доходы мужчины как кормильца, а мужчины - семейную обустроенность, созданную женщиной как домохозяйкой.

Сознавая свою слабую конкурентоспособность на рынке труда, но имея доступ к организации семейной жизни, женщина пытается достичь максимального удовлетворения собственных желаний (не только материальных), опираясь не только на свои силы, но и используя мужчину. Чаще всего женскую ответственность за домашнее хозяйство ученые рассматривают как результат нечувствительности россиянок к дискриминационным процессам в России. Гораздо реже - как способ самореализации, самоутверждения и достижения равенства с мужчиной в семье при внешней дискриминационной нагрузке, как ресурс, обеспечивающий власть и возможность "злоупотреблений" на своем "рабочем месте". А именно этими возможностями во многом объясняется нежелание женщин делиться властью в домашней сфере. Мужчина, в свою очередь, привыкает к домашнему иждивенчеству, отстраненности от решения семейных проблем, в границах дозволенного (чаще всего недоступного женскому влиянию) создает условия для самоидентификации: "мужской" отдых, мужские связи и т.д. Свои властные позиции мужчины пытаются сохранить через роль кормильца. Иначе говоря, мужчина и женщина в семье обладает определенным набором привилегий и властных полномочий, и каждый из них пытается сохранить свой "гендерный набор". Однако вопрос о том, преуспевают ли они в этом и каким образом этого добиваются, остается открытым не только на макроуровне, но и на уровне семьи [12, с. 255].

Домашнее "производство", как и любое другое, не лишено издержек. Женщины не получают помощи в решении семейных проблем, внимания со стороны близкого человека. Одиночество в решении семейных вопросов перерастает в женское недовольство и разочарование: *"На Новый год я стараюсь хоть какую-то ерунду, но всем подарить. У них ни у кого не рождается мысли, что надо сделать подарок маме. Подарок я покупаю либо сама себе, либо мне покупает мама"*.

Однако женщина не столь одинока в семье, как мужчина, хотя бы потому, что рядом с ней дети и социальный круг, поддерживающий ее правоту и обеспечивающий эмоциональную, физическую и материальную поддержку. Работающая женщина, занятая домашним хозяйством, имеет больший социальный капитал (связи, жизненный опыт), чем мужчина, сконцентрировавший свои усилия только на работе.

Платой мужчин за бездеятельность в семье становится болезненная ориентация на заработную плату, отсутствие личностного роста, и, наконец, подчиненное положение в семье. Отчужденность мужчины от домашней сферы приводит к отсутствию жизненного (социального) ресурса. Отстранившись от семейных обязанностей и не проявляя интереса к семейным расходам, мужчина не имеет представления, сколько семья платит за квартиру, телефон, уроки танцев, сколько денег уходит на питание и т.д. Мужчина оказывается неспособным справиться с ежедневными нуждами и снижает уровень притязаний. Более того, единоличное принятие повседневных решений женщиной, навязывание жизненного уклада и своих потребностей против воли мужа снимает с последнего ответственность в оказании помощи жене в поддержании приобретенного ею хозяйства: *«Только когда я его допилю, он начинает работать. И то сразу же припоминает: "Я тебе сказал, что мне дача не нужна, ты все равно ее взяла, вот и работай"»*.

Уход мужчины от домашней сферы, изначально устраивавший его, становится привычкой, семейной нормой, которую впоследствии невозможно изменить. Создание "тепличных" условий в виде женской заботы вовсе не означает, что при создании "женского мирка" мужчина будет чувствовать себя столь же комфортно. Несмотря на зависимость от женщины, социальную недееспособность, мужчина не имеет стимулов "возвращения" в домашнее хозяйство. Не желая брать на себя лишние заботы, мужчина все более утверждается в роли кормильца. Не последнюю роль в этом играет женщина, у которой всегда имеется список первоочередных нужд, требующих немедленного денежного вложения, ожиданий к мужу по поводу выполнения его основной традиционной роли.

Общая стрессовая ситуация в период экономических реформ оказалась более болезненной для мужчин, поскольку возросли требования к мужчине как кормильцу, который обязан обеспечивать возросшие притязания, сформированные западными потребительскими стандартами жизни и развитием рынка товаров. В то же время возможности реализации мужчинами функции кормильца для многих резко сократились, в первую очередь за счет спада производства, развала промышленности, сокращения числа "мужских" рабочих мест, подразумевающих высокие стабильные заработки. Кроме того, мужчинам стало сложнее поддерживать свою профессиональную идентичность [13], усиливается социальная незащищенность работников с низким статусом. Все это находит выражение в оценках респондентов: *"Мужчине тяжелее это переносить. Потому что он же должен денежку принести. Это и моральные, и материальные трудности. Ему чисто психологически тяжелее, если он не может прокормить семью, да еще дома сидит. У мужа, у него больше голова болит, где бы денег побольше принести"; "Все хуже и хуже. С каждым годом все хуже. Нет уважения к подчиненному работнику. Почему-то считается, что раз ты начальник, то ты многое можешь себе позволить"; "Мы себя рабами чувствуем. Мы уже считаем себя рабами, а в цехе еще хуже"; "Я чувствовал себя человеком, которого уважали и начальство, и рабочие. Сейчас любой, кто чуть повыше... Гоняют из угла в угол, не то что гоняют...".* При этом социально-психологические проблемы мужчины часто решают своими "мужскими" способами, которые лишь усугубляют их положение: *"Психология у мужчин - если денег нету, нервничаем и пьем. От того, что денег нет, они напьются, чтобы им забыться, чтобы им было легче, а в итоге все на семье отражается в другую сторону. И так денег нет, а он еще приходит пьяный".*

В результате женщины все чаще выражают недовольство мужьями. Кроме вербального давления ("пилит", "тюкает", "жужжит", "орет"), женщины используют и другие меры "наказания" - молчат, отказывают в близости, уходят из дому к друзьям, воздействуют через детей: *«Она говорит им: "Папа плохой, не подходи к нему, он тебя не любит". Пыталась даже руками махать поначалу».* Ситуация усугубляется, если мужчина длительное время не поддерживает свой статус кормильца, и данная роль переходит к женщине.

Подводя итоги анализа повседневного взаимодействия полов в частной сфере, хотелось бы еще раз подчеркнуть ошибочность мнения о том, что домашний труд не может быть основанием властных полномочий. Мы показали, как занятость в домашнем хозяйстве становится ресурсом женщин в ходе постепенного расширения обязанностей, перехода от физического труда (готовка, уборка) к организационному, а затем в сферу ответственности за поддержание домохозяйства и с постепенным усилением властных позиций женщины. В результате мужчина начинает играть второстепенные роли и становится инструментом женских стратегий. При этом частую использование женщинами своей власти в семье идет во вред супружеским отношениям, способствуя инфантилизации, "деградации" и дискриминации мужчин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тезис о социальной необходимости неоплачиваемого домашнего труда поддерживает Элис Кесслер-Херрис, отмечая условность разделения труда на производительный (обычно мужской) и труд по поддержанию существования (обычно женский) [6, с. 171]. Российская практика - яркое тому подтверждение. В условиях экономического кризиса, когда заработная плата не покрывает семейных расходов и выплачивается с задержками, домашнее хозяйство нередко становится для семьи единственным источником существования, стратегическим ресурсом для преодоления экономических трудностей [7, 8]. Роль частной сферы выходит за рамки воспроизводственной деятельности, усиливается ее социальная значимость. Еще при социализме, где доминировали неформальные отношения распределения, требовались специальные организационные и коммуникативные навыки, которые осваивались, как правило, женщинами. В условиях трансформации социально-экономическая значимость домашнего хозяйства и роль женщины в определении стратегий семьи дополнительно возрастает. Приведенные примеры советского и постсоветского периода еще раз подчеркивают значимость домашнего труда, мы же обращаем внимание на расширение и активизацию "женских" ресурсов, необходимых для его поддержания. Долгое время основой брака в России считались любовь и уважение, а любой меркантильный расчет подвергался всеобщему осуждению. Хотя создание семьи в советское время и решало некоторые индивидуальные проблемы супругов (получение прописки, возможность увольнения от службы в армии, получение удачного распределения по окон-

чании учебы), а материальная сторона жизни человека во многом зависела от его семейного положения (освобождение работника от отчислений заработной платы за бездетность в связи с рождением ребенка, возможность улучшения жилищных условий и т.д.), тем не менее в целом материальное благополучие оказывалось результатом длительного совместного проживания супругов. В настоящее время усиливается тенденция поиска супруга, надежного прежде всего в экономическом плане, если не с имущественным, то с достойным и стабильным доходом, а выгодное замужество зачастую является единственной возможностью для женщин поправить свое материальное положение.

Конечно, есть женщины, которые "разрешают" участвовать мужьям в семейных делах, но это чаще является женским стратегическим решением для облегчения своей доли и гораздо реже - результатом договорного контракта или осознанного шага мужчины к разделению домашних обязанностей. Например, если один из супругов хотя и придерживается патриархальных взглядов, но понимает необходимость вовлечения мужа в домашние дела и поддержания его мужественности не только в зарабатывании денег, в роли друга, мужа, отца: *"Я тоже могу принести воду, но я не пойду. Я тоже могу дрова занести, но нет... Если бы я жила в благоустроенной квартире, я загрузила бы сразу же, моментом. Вплоть до полоскания белья, пока бы не купил стиральную машину"*; *"Я стараюсь строить наши отношения на взаимоуважении, стараюсь его поднять в глазах. Глядишь, и он уже увереннее себя чувствует. А потом у него есть поле деятельности, я туда свой нос не сую - пусть что хочет, то и делает"*. Однако инициатива данной стратегии установления межличностных отношений между супругами принадлежит женщине и способствует реализации ее интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лыткина Т.* Распределение власти семьи как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж. 2001. № 16-17. С. 50-66.
2. *Ярошенко С.* В пути к теории русского феминизма // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. *Аристарховой И.* Сыктывкар, 1999. С. 15-23.
3. *Римашевская Н. и др.* Окно в русскую частную жизнь. М., 1999. С. 21.
4. *Киблицкая М.* Исповеди одиноких матерей. М.: Эслан, 1999.
5. *Ашвин С.* Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 63-72.
6. *Кесслер-Хэррис Э.* Женский труд и социальный порядок // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 171-189.
7. *Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.* Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. In Victoria Bonnell and George Breslauer (eds.) *Russia in the New Century.* Boulder, Co.: Westview Press, 2000. P. 231-257.
8. *Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.* Involution and Destitution in Capitalist Russia. *Ethnography.* №1. 2000. P. 43-65.
9. *Коллинз Р.* Введение в неочевидную социологию // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 114-140.
10. *Козина И.* Что определяет статус "кормильца" семьи? // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 83-90.
11. *Буравой М., Кротов П., Лыткина Т.* От деревянного Парижа до панельной Орбиты: модель жилищных классов. Сыктывкар, 1999.
12. *Конелл Р.* Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы под ред. *Е. Здравомысловой и А. Темкиной.* СПб., 2000.
13. *Ашвин С.* Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. 2001. №16-17. С. 5-25.